

## Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова и народное образование в Опочецком уезде в середине XIX в.

В середине XIX века вопросы народного просвещения в России становятся одной из наиболее неотложных проблем. Наиболее остро стоял вопрос о начальном народном образовании. Проекты организации народных школ и училищ обсуждались в Редакционных комиссиях по крестьянскому вопросу, при которых действовала особая комиссия о сельских школах, разрабатывались в Главном комитете по крестьянскому делу, в Министерстве народного просвещения. Движение за распространение грамотности в народе стало одним из проявлений общественного подъема в России в конце 50-60-х гг. XIX в. Свою лепту в дело народного образования внесла и княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова (10.10.1827 - 15.05.1909), известная подвижница российской благотворительности. В родовых имениях Порховского и Опочецкого уездов Псковской губернии ею был организован ряд школ и школок для крестьян, небольших, но крайне важных для распространения элементарной, но прочной грамотности. В т.ч. в Опочецком уезде было создано десять школ для крестьянских детей и школа для подготовки сельских учителей в с. Глубоком.

Содействие делу просвещения было делом весьма сложным и во многом неблагоприятным. Трудности, с которыми столкнулась княжна, были общими проблемами организации народного образования. Не было достаточно грамотных людей, способных занять учительские должности в сельских школах. Большинство помещиков более чем равнодушно смотрело на обучение крестьян грамоте. Крестьяне же, вообще с недовери-

ем воспринимавшие что-либо, исходившее от господ, относились к учреждавшимся школам с подозрением, видя в них барскую прихоть и опасаясь, что обученных ребят возьмут в дворовые или в солдаты<sup>1</sup>. После объявления весной 1861 г. нового положения для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, учительская школа прекратила свое существование, а из всех организованных княжной М.М. Дондуковой-Корсаковой в Опочецком уезде школ сохранились школы только в селах Глубоком и Артюхове. Тем не менее, благодаря стараниям княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой, протоиерея Алексея Опочского и других лиц, содействовавших ей в деле образования крестьян, Порховский и Опочецкий уезды в начале 60-х гг. XIX в. занимали первое и второе место по числу грамотных и учащихся в Псковской губернии.

Осенью 1862 г. в Псковскую губернию по поручению Министерства народного просвещения, для обозрения учебных заведений и собрания исторических и статистических сведений с целью исследования положения народного образования, прибыл историк и общественный деятель Михаил Иванович Семевский (04.01.1837-09.03.1892). Министерская командировка продолжалась до декабря 1862 г. По ее результатам был составлен отчет, получивший одобрение министра. Кроме того, был опубликован ряд брошюр и статей: «Поездка по Псковской губернии в 1862 году: училища в городе Пскове» (СПб., 1862); «Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году» (СПб., 1864); «Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 году» (СПб., 1864) и др.<sup>2</sup> Извлечения из двух последних были опубликованы в 1864 г. в жур-

*Корнева Надежда Михайловна* - кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного исторического архива (С.-Петербург)

нале «Учитель»<sup>3</sup>. Значительное внимание в своих трудах уделил М.И. Семевский школам Опочецкого уезда, которые он осматривал в декабре 1862 г. Не мог он обойти вниманием и деятельность княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой, необыкновенная личность которой несомненно оказала на него влияние. В отдельном издании ее имя скрыто за криптонимом N.N. В журнале «Учитель» в большинстве случаев княжна М.М. Дондукова-Корсакова проходит под собственным именем.

В предлагаемую вниманию читателей публикацию вошли: отрывок из исследования М.И. Семевского «Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году», опубликованного в журнале «Учитель» и отдельным изданием<sup>4</sup>; описание школы в деревне Посихнево (Посихны) Опочецкого у. Псковской губ., составленное княжной М.М. Дондуковой-Корсаковой по поручению С.-Петербургского комитета грамотности<sup>5</sup>, и «Краткий очерк благотворительных действий княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой в имении села Глубокого с 1858 по 1862 год», присланный священником с. Глубокого М.И. Семевскому и хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки<sup>6</sup>.

### **М.И. Семевский Грамотность в сельском населении Псковской губернии**

Условия быта временно-обязанных крестьян Опочецкого уезда не совсем благоприятны, сравнительно с другими уездами Псковской губернии, для развития в нем грамотности. Это видно из численных данных, по которым Опочецкий уезд занимает пятое, частью даже седьмое место. В Опочецком уезде на одну версту неудобной земли приходится только 6 верст удобной, на одну деревню приходится около 4-х дворов, на одну деревню около 37 душ обоего пола жителей, на одного помещика до 19 февраля 1861 года приходилось около 69 крестьян мужского пола. А между тем, по отношению чисел грамотных к числу учителей

(временно-обязанных крестьян) мужского и женского пола и к числу деревень, наконец, по отношению чисел учащихся к населению, Опочецкий уезд занимает второе после Порховского уезда место, а по некоторым цифрам - даже первое, а именно, по отношению учащихся мужского пола: в Опочецком уезде 1 учащийся мальчик на 46 душ мужского пола, а в Порховском уезде - 1 на 69. Таким образом, относительно успешное распространение грамотности в Опочецком уезде как бы противоречит замечанию, что число школок и грамотных [находится] в прямой зависимости от материальных условий края. Но это противоречие почти всегда кажущееся. В то время, когда в южной и юго-западной частях уезда пестрят школки, северо-западные и восточные части уезда имеют их крайне немного. Почему же училища (отчасти вопреки материальным условиям местности) развились в одной части уезда? Это мы объясняем: а) четырехлетними усилиями в распространении школ в народе княжной М.М. Дондуковой-Корсаковой; б) заботами об этом же предмете благочинного протоиерея отца Алексея Опочецкого; в) особенным радением о деле грамотности некоторых волостных старшин; наконец, г) стараниями штатного смотрителя уездного училища всегда иметь в продажной библиотеке разнообразные дешевые и лучшие книжечки новейших изданий для народных школ.

Позволю себе остановиться на деятельности кн. М.М. Дондуковой-Корсаковой<sup>7</sup>. Заботы ее об устройстве школ продолжались с 1857 года по 1861 год включительно, т.е., до того времени, пока она жила в Опочецком уезде. В многочисленных деревнях, принадлежавших ее фамилии и раскиданных в разных приходах Опочецкого уезда, она еще при крепостном праве стала заботиться об устройстве школ. С этою целью кн. Д.-К. приглашала принять участие в обучении детей священников, посылала учителями в деревни мальчиков, кончивших курс в уездном училище, также дворовых отца ее, мужчин и женщин, обученных ею самою или под ее руководством, учителя и учительницы получали от нее содержание в размере от 6 до 12 руб. в

учебный месяц, независимо от единовременных наград. Книги и все учебные пособия также доставлялись кн. М.М. Д.-К.<sup>а</sup>

Собрать детей в училища было нелегко: М.М. в частых объездах деревень, иногда долго и безуспешно, уговаривала крестьян. Вообще со стороны родителей (крепостных тогда) было общее нежелание учить детей; нежелание это они объясняли необходимостью иметь ребят для помощи в работах<sup>б</sup>. Вследствие этого М.М. почти каждого крестьянина должна была увещевать, упрашивать и обещать им за взятых детей какую-нибудь помощь. И действительно она многих крестьян увольняла от барщины и многим подавала материальную помощь.

В деревнях было заведено М.М. *десять* школ. Кроме этого, для противодействия предрассудкам, суевериям, для распространения света евангельского учения, М.М. Д.-К. и ее помощницы (две девушки духовного звания, нарочно выписанные из Царскосельского училища, и некоторые другие) время от времени, в особенности в праздники, ездили по деревням и открывали устные беседы среди толпы крестьян и крестьянок; это продолжалось две или три зимы. В 1860 году заведена была ею (в одном из сел отца)<sup>в</sup> школа для

учителей и преимущественно учительниц сельских школ; под ее непосредственным наблюдением и при ее содействии обучалось в ней до 11 взрослых девушек и женщин и двое или трое мужчин<sup>с</sup>. Здесь вводились новейшие способы обучения, пробовались разные упрощенные приемы в преподавании и т.д.<sup>д</sup> Так, например, здесь обстоятельно преподавалась так называемая золотовская метода<sup>е</sup>; здесь вводились для письма трафаретки, прописные и малые буквы, а также и слоги, прорезанные в картонках; здесь первоначальные арифметические действия пробовали преподавать по камушкам<sup>д</sup> и т.д.

«Учительская школа» существовала менее года, но принесла некоторую пользу: новейшие методы обучения хорошо были усвоены некоторыми учительницами и учителями.

Вот что рассказывал один из них, крестьянин Степан, между прочими подробностями о том, как устроилась школа в деревне Ортюхове (Артюхове)<sup>с</sup>: «Как только обласкал я детей, и те перестали меня бояться как учителя, сложил я из вырезных букв на доске четыре слова. Первое слово было *буря*. Спрашиваю я детей: «Как это называется, когда ветер подымается, и на озере волна бывает?» Они отвечают: «Буря». Тогда я спросил: «Что раньше бывает: ветер или волна на озере?» Дети говорят: «Сперва ветер подует, а потом уже волна подымается, когда начинается буря». «Вот она, - говорю, - буря-то, здесь на доске и написана. Первая половина этого слова - *бу*, а вторая половина слова - *ря*. Хотите, мы для памяти скажем, что *бу* у нас - ветер, *ря* у нас - волна? Ветер прежде подует, а потом волна подымается? Так и мы прежде скажем *бу*, а потом *ря*, и будет *буря*! Дети, показывая на слово, начали повторять: «Ветер - волна, *буря*!» Так и с другими словами, я прежде объяснял детям, что каждое слово значит, и на каждый

<sup>а</sup> Ею самою были изданы для употребления в школах картины Нового завета, составлено несколько брошюр, объясняющих молитвы (напр. Разговор Ольги Даниловны с крестьянами о молитве Господней), или передающих жизнь и учение Спасителя. Большая часть брошюр остается пока еще в рукописях; они написаны простым, прекрасным языком, выработанным кн. М.М. Д.-К. в ее многочисленных беседах с народом.

<sup>б</sup> А скрытою причиною было недоверие крепостных, что де *обученных* ребят возьмут в *дворовые*. Вообще тогдашние опасения *крепостных* отдавать детей учиться должны были иметь место, и мы их вполне понимаем. Много ли таких личностей, как М.М., которая распространяла свет учения среди крепостных для *них же* самих? В громадном же большинстве случаев, когда помещики и помещицы заботились выучить крестьянских детей грамоте, это делалось в господскую пользу. Мальчик грамотный поступал в лакеи, конторщики, писаря и т.п. должности к господам своим, и на всю жизнь отрываем был от родной семьи. Можно ли поэтому удивляться, что крестьяне не хотели доверяться даже кн. М.М. Д.-К.?

<sup>с</sup> М.М. Д.-К. предлагала помещикам присылать своих людей для обучения в эту школу. Но на предложение никто не отозвался.

<sup>д</sup> И трафаретки эти и камушки предложены были потом управляющим Псковской палатой некоторым сельско-казенным школам, но они не привились там.

<sup>е</sup> Школа этого учителя получала содержание от кн. М.М. Дондуковой-Корсаковой.

слог было у меня слово, знакомое детям. Например, для слова *пара*: *па* мы называли парень, а *ра* - радуйся! Для слова *каша*, *ка* мы обозначали словами: как бы хотелось ее поесть, *ша* - хороша. Дети распределяли, что каждый будет помнить и с взаимною помощью быстро запоминали слова. Гласные буквы они скоро начали называть, и я сам не знаю, как они запомнили... После того, как они выучили все слоги прямые и все буквы, они на доске начали составлять разные знакомые слова, и, бывало, так займется этим, что не отгонишь их от доски... Вообще, как дети заучают слоги, так им надо написать их собственные имена, чему они очень бывают рады, и дать им волю, чтоб они сами набирали знакомые им слова... Таким образом, дети за уроком не скучают, дело идет тихо, без крику, без слез и без принуждения. Учитель ласков, так детям весело. Они друг перед другом стараются, друг другу помогают и очень скоро выучиваются читать и составлять слова из вырезных букв<sup>f</sup>.

Между тем, долг справедливости обявляет нас сказать (после тщательного знакомства с тем краем), что результаты четырехлетних усилий, издержек времени, книг и проч. со стороны кн. Д.-К. были и вполонину не так велики, как это можно и должно было ожидать. Преград к полному успеху многочисленных забот и издержек кн. Д.-К. было множество; я не стану пересчитывать, а укажу на главнейшие: а) крепостное право было преградою одною из непреоборимейших; как-то странно было даже видеть усилия и заботы распространять свет знания там, где управляющие, приказчики, старосты (без ведома, разумеется, господ) «гнули что называется в дугу несчастных землепашцев»; б) кроме неудовлетворительных условий для быта в настоящем (1857-61 г.), у крестьян опочецких еще слишком были свежи предания *доброй старины*, предания о жизни отцов и дедов за прежними господами и управителями. Много нам волею-неволею довелось слышать этих рассказов, и нередко сердце наше замирало от ужаса и негодова-

<sup>f</sup> Два интересных рассказа Степана «о том, как устроилась школа в деревне Ортюхове» записаны с его слов и напечатаны в Псковских губ. ведомостях.

ния... Естественно, что теперь этот же народ тупо, недоверчиво, нередко зло, насмешливо, смотрел на истинно гуманные заботы, исходившие их господского дома<sup>g</sup>; в) при больших средствах, расходованных на учреждение школ, и множестве благотворительных подвигов кн. М.М. являлись лица в качестве помощников и помощниц в этих заботах, из которых некоторые вовсе не были способны и стекались в села князей Д.-К. из приживальства и извлечения своих выгод; не говорю уже о злоупотреблениях приставниц к крестьянским детям, взятым в село, в училище на полное господское содержание. Злоупотребления эти не были известны добрым, доверчивым господам, но дети чувствовали их, плакались родителям, и от их «плакания» у родителей не могло являться большой охоты отдавать ребятишек в «господские школки». г) Особенно малоуспешны были заботы отучать крестьян от безобразных игр и срамных увеселений, бывающих в ходу по деревням, преимущественно в зимние праздники. «Учительницы» забывали, что бедный народ не имеет, да едва ли может иметь другие забавы в том положении, в каковом он был погрязши при крепостном праве<sup>h</sup>.

<sup>g</sup> Особенные заботы и попечения кн. Д.-К. обращены были на больных, увечных и сирот. «Каждый день, - пишет мне один из священников той местности, - исключая разве времени своей болезни, она посещала устроенную в селе больницу, просиживала с больными по несколько часов, сама ходила за ними, обмывала, перевязывала их раны либо беседовала и читала им о жизни Спасителя. В случаях же невозможности быть в больнице, поручала ученикам и ученицам читать больным. Кн. Д.-К. имела в виду и предлагала завести в г. Опочке детский приют, но это не осуществилось.

<sup>h</sup> Мы подробно записали многие игры опочецких крестьян: «Журавли», «Свадьба», «Обезьяна», «Пастушка», «Медведь», «Булочники», «Воевода», «Хрен» и друг.; многие из них грубы и многие весьма грязны. Но «отучить» от них народ едва ли можно только «поучениями». С улучшением *материального быта прежде всего*, а потом с распространением *грамотности* - все эти потехи, столь возмущавшие «учительниц», вытеснятся более приличными удовольствиями. Об увеселении опочецких крестьян сообщены также нам интересные заметки тамошним сельским учителем Л. П. Богусевичем.

Мы сказали, что результаты деятельности кн. М.М. Д.-К. не вполне соответствовали всем усилиям, заботам и издержкам, какие делались ею в пользу народа. Это так, но из этого не следует, чтобы деятельность эта не принесла пользы; напротив, польза все-таки была большая. Главная - толчок к распространению грамотности был дан. Благотворительность восторженная, глубоко искренняя, в которой так и дышит горячая любовь к бедным, сирым и страждущим, всегда вызывает несколько личностей на искреннее в ней участие<sup>1</sup>.

Одним из таких участников или последователей в том краю был достойный отец протоиерей и благочинный Алексей Опочкий. Человек, глубоко уважаемый крестьянами, он с успехом говорил по сельским церквам речи о необходимости заводить школы, указывал народу на способных к тому грамотников, учителей, раздавал книжки, отыскивал и определял в школки, за недостатком взрослых учителей, мальчиков, вышедших из уездного училища, наконец, уговаривал волостных старшин принять в деле основания училищ как можно больше участия. Осенью 1861 года в его благочинии было 10 школок, исключительно в деревнях князей Д.-К., устроенных княжной Д.-К. Учащихся в них было 98 мальчиков и 42 девочки. С этого времени, благодаря заботам отца Алексея, и число учащихся и число школок увеличивается, так что в зиму 1862 до 1863 года в одной волости (называемой Афанасьева слобода) училищ насчитывается 22 с 149 учащимися в них мальчиками и 11 девочками. Из остальных известных нам 26 школок *временно-обязанных* крестьян опочецкого уезда более трети находятся в благочинии отца Алексея. Так успешна может быть деятельность священника в деле распространения грамотности, если только

<sup>1</sup> Из помещиц Опочецкого уезда, между немногими другими, особенно с любовью и успехом занимались или занимаются обучением крестьянских деток г-жи М.П. Семенова, А. и Б.Ф. Карповы, баронессы Софья и Павла Борисовна Вревские, М.И. Ридман и некоторые другие.

этот священник приобрел полное уважение крестьян!

Особенную ревностью в заведении школ заявил себя волостной старшина Афанасьевской волости, Иван Антонов. Нужно заметить, что крестьяне этой волости, в числе 1921 м.п. /мужского пола/, за небольшим исключением принадлежали одному знатному владельцу, никогда почти не знали барщины и платили весьма умеренный оброк; так что, вообще говоря, быт их удовлетворителен. Иван Антонов поэтому и употребил все усилия, чтоб вслед за убеждениями уважаемого протоиерея, убедить более неподатливых ... В 94-х деревнях волости появились 22 школки, т.е. почти на 4 деревни - школка; а так как деревни, как и во всем уезде, довольно раскиданы и малодворные (средним числом в этой волости 4 двора на деревню, всех дворов 407), то Иван Антонов, потолковав с миром, пришел к заключению, что больших училищ неудобно заводить, а лучше на три, на четыре, на пять деревень устроить одну школку; и ребятам недалеко ходить и из-под глаза родителей не уйдут, ночевать дети всегда будут дома; другой отец, хоть и неграмотный, а все прослушает урок сына. Понятно, что учителя, за небольшим исключением (напр. дворянина Л.П. Богусевича и некоторых других), и не могли быть хороши; все это - мещане, солдаты, исключенные духовные и, наконец, полуграмотные крестьяне; но так или иначе, «а для почину и эти гожи, - говорил мне Иван Антонов, - обвыкнемся да оглядимся, так выищем и получше учителей».

Я объезжал со старшиной его волость. Старшина - человек неграмотный<sup>к</sup>, но нельзя было без удовольствия видеть сметливость, толковитость в замечаниях, какие он делал учителям и учащимся. Так в одной школе Иван Антонов заметил, что «дети при чтении кричат все в голос, что от этого гам и шум, а толку немного, учителю-то (отстав-

<sup>1</sup> Комитет грамотности, по нашему представлению, выслал в марте 1863 года отцу благочинному 80 книжек разного содержания для раздачи в сельские школки.

<sup>к</sup> «50 бы руб. теперь дал, если бы выучили грамоте, - говорил старшина, - больно она надобна, да ничего не поделаешь, поздно, да и некогда учиться».

ной солдат) и не разобрать, кто как читает. «Это не резонт, - сказал он учителю, - что у тебя кричат, а ты послушай каждого, да растолкуй, а к сумеречкам, так и совсем начни рассказывать и Спасителе, да о молитвах, пусть ребята слушают, да в понятия берут. Вот и Михайло Иванович (указывая на меня), чай то же скажет!» В другой школе он заметил, «чтоб дети читали учителю, не хватаясь, не порывисто», а делали остановки на «отдышках», потому для этого самого и понаделаны «крючки в книжках промеж букв» (учитель отставной фельдфебель) и т.д. Иван Антонович знает, сколько у кого ребят и какие годятся в ученье; чуть бывало, кого встретит из мужиков, да вспомнит, что у него еще ребётенки «не в грамоте», и закидает запросами, почему-де тот не сполняет царскую волю и не отдает ребенка в ученье?

- Да помилуй, - сказал один мужичок, - ведь у меня, Иван Антонович, только две дочки, да и те уже невесты, им и *учиться-то будет стыдно!*

- Чего стыдно, заметил старшина, у меня одна дочка, и тая совсем на возрасте, отдал я ее в ученье, и тебе не грех отдать выучиться - выйдут замуж и своих ребятишек обучат.

Ловкий, смысленый, прекрасно знающий своих собратий мужичков Иван Антонович и мной воспользовался как одним из аргументов в убеждениях крестьян заводить школки. После я узнал, что он, искренне или неискренне, пустил толк, что-де «вот и чиновник от высшего начальства ездит (хотя я ему и объяснял, что я вовсе неофициальное лицо), да книжки раздаёт, да деревни, в которых есть училища, на плант (на карту) наносит; по плану-то этому и будет видно государю-императору, какие мужички охочи ребят учить, и теми он будет доволен, а какие деревни не хотят учить ребят - теми он будет огорчаться».

Хотелось бы мне поподробнее поговорить о каждой школке в этой местности; но из боязни растянуть свои заметки, я останавлиюсь только на некоторых данных: из духовных лиц немногие принимают непосредственное или посредственное участие в народном образовании (заботливость о Алек-

сея Опоцкого есть исключение); затем, если *учат* из духовных (мы говорим о школах временно-обязанных крестьян), то большую частью исключенные из духовных училищ мальчики, заштатные дьячки и т.п. Много помогли распространению грамотности среди взрослых жителей и малых ребят солдаты Архангелогородского полка, стоявшие прошлые зимы в этом уезде. Из мещан и крестьян учат обыкновенно мещанские дети, вышедшие из уездного Опочецкого училища, либо «неудавшиеся», т.е. уволенные волостные писаря, также мальчики из государственных крестьян, наконец, ученики школ, заведенных в прошлые годы кн. Д.-К. Из дворян учит один мелкопоместный помещик; другой - вышедший из средних классов гимназии и бывший волостным писарем; оба они наняты крестьянами. Вознаграждение все учителя получают в следующих размерах: обыкновенно по 50 коп. с мальчика в месяц, если же детей до 20 доходит в месяц, то по 30 коп. серебром. Старшины и мужички, вообще побогаче, платят от 60 до 75 коп. в месяц за своего ребенка, причетчики (дети их тоже обучаются в этих же школах читать) платят до 1 руб. в месяц; либо, наконец, учитель получает 5 или 6 руб. огулом в месяц за обучение. В большей части случаев харчи у него крестьянские, а то бывает и так, что выдается учителю (преимущественно из мальчиков, эти ценятся дешевле) 5 руб. в месяц, и он должен из них до 2 1/2 отдавать за хлеб с приваркой хозяину, у которого живет. Мужички обыкновенно немало торгуются, в одной деревне, например, наняли они было «убогонького», т.е. горбатого мальчика за 3 руб. серебром, но тот оказался плох в грамоте. Отыскали другого учителя, давали ему до 6 руб. серебром в месяц, но на его *хлебе*, однако он упорно стоял на том, чтобы получить их *хлеб*. При одном волостном правлении учит старик-мещанин, отец писаря, он получает за шесть учебных месяцев, по приговору схода, 58 руб. серебром. Условия найма хаты под училище те же, что и в Порховском уезде: 1 руб. в месяц, либо училище переходит из избы в избы и даже из деревни в деревню, из которых ходят дети учиться. Букварики и прочие книжечки поку-

паются родителями в продажной библиотеке штатного смотрителя опочечских училищ.

Лучшие успехи из всех школок я нашел в деревне Посихны. Школа эта заведена еще в 1860 году М.М. Учитель здесь бывший ее крепостной, молодой человек *Матвей Гаврилович Суворов*.<sup>11</sup> Это ученик М.М., пишет он пока плохо, но прекрасно читает, очень хорошо знает священную историю и молитвы с разъяснением, а главное - в совершенстве обладает умением привязать к себе детей и передать им грамоту по новейшим методикам. До 38-ми мальчиков и девочек, прежних и нынешних его учеников, прекрасно мне читали, рассказывали священную историю по раскрашенным картинкам, толковали молитвы. Школка, подобная другим, заведенным кн. Д.-К., в избытке была снабжена книжками. Но меня более всего заинтересовали отношения к училищу крестьян. Училище существует четвертую зиму, всегда оно содержалось за счет кн. Д.-К., в последнюю же зиму, с отъездом ее, школка не получала содержания. Помещение было для нее даровое. Крестьянин, дети которого обучены были Матвеем, из признательности отдавал хату под училище и кормил учителя. Казалось бы, остальные крестьяне, в виду успехов обучения, в виду стараний учителя, работавшего безвозмездно, могли бы положить ему какое-нибудь содержание, или кормить его по очереди своими харчами? Но ничуть не бывало, крестьяне не только упорно от этого отказывались, но даже не хотели вывозить дров на отопление училища, дров, даже не своих, а из господского леса, что было разрешено. Лишь только учитель начинал просить их об этом, крестьяне грозились не отпускать в ученье ребят<sup>1</sup>. Точно как будто они делали милость, что отпускали ребятшек в школу.<sup>12</sup> Действительно, так они и смотрели на отпуск ребят в ученье: «барыня-де в свое удовольствие завела училище, барыня ее содержала, что нам за печаль, - толкуют крестьяне, - платить учителю, либо отапли-

<sup>1</sup> Любопытно, между прочим, что один крестьянин из двух сыновей отпускал только одного. На спрос учителя отпустить другого крестьянин обыкновенно отвечал: «Они у меня близнецы, схожи друг на друга, выучить обоих грамоте, так и совсем их не различишь».

вать хату». Другие же говорили: «Наши ребята выучены - платить мы за других не будем». Вот результат *дарового* обучения, и таковой результат я видел почти везде, где только учредительницы и основатели школ не старались вызвать хоть незначительные пожертвования и заботы об училищах со стороны самих крестьян, а в великодушных порывах брали все расходы и заботы на себя.

В то время, когда, после трехлетнего и блистательного существования своего, посихновская школа оказалась в таких плохих отношениях с крестьянами, или, лучше сказать, крестьяне отказались ее поддерживать<sup>13</sup>, в 8-ми верстах от нее, в небольшой деревне *Бибени* возникла чисто крестьянская школа. Крестьяне, вслед за сельским старостой, наняли мелкопоместного дворянина, набрали ему 9 учеников и 3 ученицы и обязались сельским приговором платить за ребенка 1 р. 25 коп. в 5 месяцев (по Егорье, т.е. до 23 апреля). Кроме того, с ребенка же учителю идет по четвертику ржи, по 20 фунт. ветчины, да за хату с ребенка по 30 коп. сер. за зиму, да дрова по понедельно на отопку ее, да по 20 коп. на книги. Что и говорить, выучка идет плохо; азбуки московского, чуть не лубочного, издания; дети дни просиживают над бессмысленнейшими складами; но уж в «методе» преподавания безграмотные крестьяне не могут быть судьями, а вот охоту свою учить ребят они заявили и тем, что так тщательно определили учителю содержание и «берегут» его, пока не сыскали учителя получше; во всяком же случае тут чувствуешь, что училище пустит корни, потому что оно не *дарёное*, не даровое, оно создание самих крестьян.

<sup>13</sup> Учитель Матвей Гаврилович Суворов в виду такого равнодушия посихновцев оставил деревню. Кн. М.М. Д.-К. дает ему пособие на приготовление в фельдшера, после чего он будет и учить грамоте и лечить от болезней крестьян. Матвей Гаврилович - замечательный крестьянин, он самоучкой прошел грамматику русскую и теперь принялся за латинскую. Он надеется поступить в фельдшерскую петербургскую школу. Многие из членов педагогического собрания, по частной подписке, собрали 132 р. сер. в пользу М.Г. Суворова, имея в виду, что он твердо решил не изменять своему призванию - быть народным учителем.

Выводя отношения чисел училищ и грамотных к числу деревень и числу *временно-обязанных крестьян Опочецкого уезда*, мы приходим к следующим выводам:

1 училище времен.-обязан. крестьян приходится на 21 деревню.

1 училище времен.-обязан. крестьян приходится на 9 учащихся обоого пола.

1 учащийся временно-обязан. крестьянин на 46 мужского пола.

1 учащаяся времен.-обязан. крестьянка на 314 женского пола.

1 учащаяся девочка времен.-обязан. кр. на 7 учащихся мальчиков.

Семевский М.И. Грамотность в сельском населении Псковской губ.// Учитель. 1864. № 5. С.174-179; Семевский М.И. Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии, в 1863 году. СПб., 1864. С.53-66.

### **Школа княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой<sup>13</sup>**

Вы просили меня описать вам одну из деревенских наших школ; исполняю ваше желание. Но, зная о современных требованиях для образования и развития крестьян, мне почти не следовало бы называть школою скромную избу, в которой полуграмотный Матвей учит деревенских мальчиков и девочек. Но кто же этот Матвей, спросите вы, и как устроилась школа?

Матвей - крестьянин, бесприютный сирота, когда я встретила с ним, ему было 18 лет; меня поразило его болезненное лицо выражением кротости и добродушия. Я ближе познакомилась с ним, он выразил желание учиться грамоте и по методу Золотова скоро начал читать толково, понимая читанное, а через год он усвоил столько, что был в состоянии передавать другим грамоту, а потому и принялся за великое дело: учит детей в деревне Посихневе.

Осенью 1860 года дети охотно собрались в избу Ивана, назначенную для училища. Помолившись Богу, Матвей начал свои занятия, которые пошли весьма успешно.

В две недели детям хорошо были знакомы 30 слов и 30 слогов, составляющих эти

слова. Потом Матвей начал называть им буквы, которые встречались в этих словах. Когда буквы были выучены, то, по руководству Золотова, дети ознакомились с трехсложными словами, обратными слогами и остальными буквами азбуки. Через месяц после начала ученья грамоте, дети взяли за книжки «Рассказы из земной жизни Спасителя», продолжая при этом составление слов из вырезных букв, занятие, которое им особенно нравилось. Постоянных учеников у Матвея было 20 мальчиков и 4 девочки; из них в конце зимы 8 мальчиков и 3 девочки хорошо читали, остальные читали хуже, но отнюдь не по складам, а прямо узнавая слова в книге. Кроме постоянных учеников были и проходящие из соседних деревень: 7 мальчиков и 2 девочки, которые, несмотря на большое желание учиться, не смогли сделать больших успехов, по затруднению ходить в школу зимой на расстояние от 2 до 3 верст. Духовный надзор и горячее участие доброго священника города Опочки<sup>14</sup> призвали благословение Божие на устройство школы. Одно его присутствие в деревне привлекало прихожан к изучению слова Божия. Он беседовал с ними понятным для них языком, успел вызвать их доверие, развить добрые чувства, так что, вместе с грамотностью, или, скорее, как цель грамотности, являлось у крестьян желание читать о Спасителе.

Весенние полевые работы прервали занятия в школе. В течение лета Матвей продвинул несколько вперед свой маленький курс, сам усердно занимаясь чтением и письмом. А в ноябре 1861 года он опять приехал в Посихнево для продолжения занятий с детьми. Сосед той избы, где помещалась школа, просил Матвея переехать к нему под тем предлогом, что там, где была школа, бабы умнее стали.

Некоторые из учеников прошлогодних отстали немного от других детей, но двух недель было достаточно, чтобы опять приучить их к своему чтению. Не менее успешно занимаются дети и письмом. Два мальчика в особенности любят писать не по прописям, а что в голову взбредет. Описывая вам устройство нашей школы, мне хотелось бы обратить ваше внимание еще на одно от-



радное явление: как охотно, как свободно крестьяне передают грамоту друг другу.

Один из прошлогодних учеников, 12-летний мальчик имеет у себя дома 8 взрослых учеников, да и по всей деревне дети учили молитвам своих родителей. В течение зимы 30-летний Иван, у которого помещалась школа, просил Матвея по вечерам учить его грамоте, и, вместе с двумя взрослыми братьями, выучился читать и писать. Одна молодая женщина 19 лет просила мужа отпустить ее на некоторое время в Посихнево. Она с необыкновенным усердием принялась за учение и после трех недель могла уже кое-что разбирать в книге. Дома она выучилась хорошо читать, а впоследствии выучила читать своего 18-летнего брата.

Много еще примеров могла бы я привести, которые явно доказывают собственное желание крестьян учиться грамоте<sup>15</sup>.

Журналы Комитета грамотности, учрежденного при императорском Вольном экономическом обществе. За первую половину 1862 г. СПб., 1862. Приложение к журналу Комитета грамотности 24 февраля. С.4-6.

**Краткий очерк  
благотворительных действий  
княжны Марии Михайловны  
Дондуковой-Корсаковой в  
имении села Глубокого  
с 1858 по 1862 год<sup>16</sup>**

Поступив священником в 1857 году в погост Воскресенское Опочецкого уезда, в 12 верстах от села Глубокого, в непродолжительном времени я имел счастье ознакомиться несколько с княжною Марией Михайловной.

По справедливости можно сказать: княжна Марья Михайловна - редкое явление в кругу образованном, аристократическом, в отношении ее ревности к образованию меньшей братии - крестьян, материнской к ним любви и снисходительности, сколько мог заметить я еще при первой моей беседе с нею. В то же время она просила меня завести школу в погосте для крестьянских детей, принадлежащих к приходу Воскресенскому и бывших в то время крепостных ее сиятельства. Вполне сознавая необходи-

мость образования крестьянских детей и, притом, моих же прихожан, я не прочь был от того, но главное препятствие состояло в том, что деревни в нашем краю не более как из трех, много пяти дворов на расстоянии от приходской церкви или от погоста от 3-х до 5-ти верст, не ближе, а потому детям приходится каждый день в зимнее время очень трудно, а другой раз и невозможно. В самом же погосте помещения для учеников нельзя было найти. Несмотря на это, княжна вдруг мне прислала десять экземпляров букварей и славянское евангелие. С большим трудом я мог набрать пять мальчиков и одну девочку, которые могли приходиться раз в день в мою квартиру, из одной маленькой комнаты состоящую. Недели через две княжна приезжает из Глубокого в самую дурную погоду посмотреть наше занятие. Здесь она изъявила свою готовность во всем помогать ученикам и даже содержать их на свой счет, только б они продолжали учиться.

Весной 1858 года я переведен был из погоста Воскресенское в село Глубокое, где в то время была уже заведена княжною школа большею частью из девочек. Учила их некто Анфиса, женщина наемная, взятая прежде нищею, больная, а потом много облагодетельствованная княжною.

Осенью того же года старанием княжны набрано было из разных деревень до 30-ти мальчиков, преимущественно сирот и несколько девочек от 8-ми до 10-ти [лет], все они были помещены в селе на полном, довольно хорошем содержании ее и отданы мне для обучения их чтению, молитвам и закону Божию. Нужно заметить при этом удивительное терпение и снисходительность княжны, когда она собирала этих учеников. Вообще было нежелание родителей или родственников мальчиков отдавать в училище детей, под тем предлогом, что дети необходимы им и в зимнее время помогают в работе. А потому княжна почти каждого из них должна была увещевать, упрашивать и обещать за взятых детей какую-нибудь помощь. И действительно, она многих крестьян увольняла от барщинских /так в подл./ дней работ и многим подавала материальную помощь за детей, которых сверх всего этого одевала,

обувала и вообще содержала на всем готовом.

Училище продолжалось до весны 1861 года и прекращено вследствие неприятного события после объявления нового положения для крестьян, вышедших из крепостной зависимости.

Княжна очень часто ездила в разные деревни и поучительно беседовала с крестьянами о разных предметах и преимущественно внушала им учение Спасителя, рассказывала о Его Святой Жизни, о страдании [за] грешников и прочем, увещевала быть терпеливыми и послушными повелению Государя императора при объявлении нового положения и очень много /неразб./ от невежества крестьян, пренебрегавших ее прекрасными христианскими советами и не чувствовавших ее благодеяний. Кроме школы, устроенной в Глубоком, княжна старалась заводить училища в деревнях, отдаленных от села, и были заведены в деревне Артюхо-

ве, Гарусове, Шалкове, Траньках, в Деревеньках, Рыгазах, Воронине и других. К сожалению, училища эти, кроме Артюховского, не могли долго продолжаться, по недостатку способных учителей. Учителями были в тех училищах небольшие мальчики, которые могли только порядочно читать, но не могли иметь никакого влияния ни на учащихся, ни на родителей их.

Преимущественное старание княжны о попечении состояло о больных, увечных, сиротах. Каждый день, исключая разве своей тяжелой болезни, она посещала устроенную в селе больницу, просиживала с больными по несколько часов, беседуя с ними о жизни Спасителя, Его страданиях и проч., а в случае невозможности быть самой в больнице, поручала грамотным девочкам или мальчикам читать больным книжки о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и рассказывать картины Золотова из историй Ветхого и Нового Завета.<sup>17</sup>

Российская национальная библиотека.  
Ф. 683 (Семевский). № 1. Л. 3-4.

#### Примечания

1. Письмо помещика с. Вязовка Сердобского у. Саратовской губ. Н.И. Миллера в С.-Петербургский комитет грамотности. - РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.8. С.67-70; Еленев Ф. Материал к вопросу о сельских школах. // Учитель. 1864. № 11 и 12. С.423-424; Миропольский С. Школа и государство. СПб., 1910. С.68,108,116.
2. Порох В.И. Офицер, историк, издатель. Все о М.И. Семевском. Саратов, 2000. С. 64-67.
3. Семевский М.И. Грамотность в сельском населении Псковской губ. // Учитель. 1864. №1. С.16-22; № 2. С.64-66; №3. С.109-114; №4. С.137-145; №5. С.174-184; №7. С.263-271; Стрельцов Е. Заметка по поводу статьи г. Семевского о сельских школах // Учитель. 1864. №11/12. С.459-461; Семевский М.И. Ответ на заметку Е. Стрельцова, помещенную в №11 и 12 «Учителя» за 1864 г. // Учитель. 1864. С.615-620
4. При этом криптонимы N.N. раскрываются во всех случаях. Текст, печатающийся по отдельному изданию, выделен особым шрифтом. Примечания М.И. Семевского представлены в конце каждой страницы, примечания составителя - в конце текста.
5. Школа княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой. Приложение к журналу заседания С.-Петербургского комитета грамотности 24 февраля 1862 // Журналы комитета грамотности, учрежденного при императорском Вольном экономическом обществе. За первую половину 1862 г. СПб., 1862. Журнал заседания Комитета грамотности 24 февраля. С.4-6.
6. Российская национальная библиотека. Ф.683 (Семевский). №1. Л.3-4.
7. В отдельном издании приводится в сокращенном виде «Краткий очерк благотворительных действий княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой в имении села Глубокого с 1858 по 1862 год.» // Семевский М.И. Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб., 1864. 55-56. Полный текст этого документа, хранящийся в Отделе рукописей РНБ, приводится нами в данной публикации.
8. В селе Глубоком Опочецкого уезда.
9. В «учительской школе» преподавала сама княжна М.М. Дондукова-Корсакова, священники Алексей Опоцкий, Иаков Розанов и Михаил Горский, поочередно, а также Василий Ращевский, дворовый человек князя М. А. Дондукова-Корсакова. В. Ращевский обучался в Олонецком уезд-

ном училище, а затем более полугодом - в школе В.А. Золотова, куда был помещен княжною М.М. Д.-К. для ближайшего ознакомления с приемами преподавания грамотности. - *Семевский М.И.* Ответ на заметку Е. Стрельцова, помещенную в № 11 и 12 «Учителя» за 1864 г. //Учитель. 1864. № 15 и 16. С.616

10. Золотов Василий Андреевич (02.03.1804-12.12.1882), педагог, автор и составитель книг для народного чтения. Окончил Ришельевский лицей в Одессе и словесное отделение Московского университета. Преподавал в Московском университетском Благородном пансионе, Ришельевском лицее, содержал частный мужской пансион в Одессе, служил инспектором классов в Закавказском девичьем институте в Тифлисе, помощником директора в Петербургском земледельческом училище (1857-1862). В 1870-1878 - заведующий учебной частью народных училищ Воронцовского сиротского дома в Одессе, с 1878 -директор Дома призрения малолетних бедных в С.-Петербурге. С середины 1850-х - один из видных деятелей движения по распространению грамотности в народе. Изобретенный им способ ускоренного обучения грамоте в 60-е XIX в. имел широкую известность. В.А. Золотов участвовал в создании воскресных школ в С.-Петербурге, был членом С.-Петербургского комитета грамотности. В 1862-1867 в качестве чиновника особых поручений при министре народного просвещения совершил ряд поездок по России, изучая состояние народных школ и способствуя организации новых. В 1864 организовал при С.-Петербургском воспитательном доме первую учительскую семинарию для подготовки народных учителей, в которой был преподавателем и инспектором. Автор многочисленных учебных пособий для начальной школы. Его «Русская азбука для простого народа с наставлениями как должно учить» выдержала порядка 30-ти изд., «Таблицы взаимного обучения» - 9 изд., «Сборник для упражнения в чтении рукописного» -10 изд.

11. См. часть III настоящей публикации «Школа княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой».

12. Примерно в то же время, учащиеся школы при общине Св. Марии Магдалины в с. Буригах Порховского у. Псковской губ., также основанной княжной М.М. Дондуковой-Корсаковой, заявили, через своего выборного «старшей сестрице» желание отапливать училище своими (т.е. родительскими) дровами. - *Семевский М.И.* Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб., 1864. С. 24.

13. Описание деревенской школы княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой в Псковской губ. было заслушано 24.02.1862 С.-Петербургским комитетом грамотности, при этом Комитет постановил описание напечатать при журнале, а княжну Дондукову-Корсакову благодарить за сообщение. - Журналы Комитета грамотности, учрежденного при императорском Вольном экономическом обществе. За первую половину 1862 г. СПб., 1862. Журнал заседания Комитета грамотности 24 февраля. С.3.

14. Протоиерей Алексей Опоцкий.

15. Несмотря на положительные результаты, школа в с. Посихнево (Посихны), оставшись без материальной поддержки княжны М.М. Дондуковой-Корсаковой, прекратила свое существование. - См. ч. I настоящей публикации.

16. Автора «Краткого очерка...» установить не удалось. Предположительно, им является либо священник о. Иаков Розанов, либо священник о. Михаил Горский, преподававшие в школе с. Глубокого. - *Семевский М.И.* Ответ на заметку Е. Стрельцова, помещенную в № 11 и 12 «Учителя» за 1864 г. // Учитель. 1864. № 15 и 16. С.616

17. Ниже приписка рукою М.И. Семевского: «О беседах кн. М.М. между утреней и обедней».